

УДК 343.01:344.65
DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-166-170

Васильков Константин Александрович
Konstantin A. Vasilkov

следователь отдела по расследованию дорожно-транспортных происшествий
Следственное управление Управления МВД России по г. Барнаулу (656056, Алтайский край,
Барнаул, пр. Комсомольский, 13)

the investigator of the traffic accident investigation department
Investigative department of the Department of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation
in Barnaul (13 Komsomolsky av., Barnaul, Altai territory, Russian Federation, 656056)

E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Удовиченко Виктор Сергеевич
Victor S. Udovichenko

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульский юридический институт МВД России (656038, Алтайский край, Барнаул, ул. Чка-
лова, 49)

senior tutor of the chair of criminal procedure
Barnaul law institute of the Ministry of internal affairs of Russia (49 Chkalov st., Barnaul, Altai territory,
Russian Federation, 656038)

E-mail: viktorudovichenko@yandex.ru

**Ретроспективный анализ гуманизации уголовного судопроизводства
и практики применения смертной казни в контексте учения Чезаре Беккариа**
**A retrospective analysis of the humanization of criminal procedure and practice
of the death penalty in the context of the teachings of Cesare Beccaria**

Авторы проводят анализ двух основополагающих направлений учения великого итальянского юриста Ч. Беккариа в контексте гуманизации процесса доказывания вины преступника относительно применения недопустимых методов уголовной юстиции. Одновременно в аналогичном ключе дается оценка практике и необходимости применения смертной казни как наиболее строгой меры наказания. Делается вывод, что данные направления учения Ч. Беккариа сформировали фундамент классической школы уголовного права и представлены в современном уголовном законодательстве.

Ключевые слова: гуманизация, пытки, смертная казнь, уголовная юстиция.

The authors analyze two fundamental directions of the teaching of the great Italian lawyer C. Beccaria in the context of humanizing the process of proving the guilt of a criminal in relation to the use of unacceptable methods of criminal justice. At the same time, an assessment of the practice and necessity of applying the death penalty as the most severe punishment is given in a similar way. It is concluded that these areas of teaching of C. Beccaria formed the foundation of the classical school of criminal law and are represented in modern criminal legislation.

Keywords: humanization, torture, death penalty, criminal justice.

Общественные отношения все время находятся в динамике: одни совершенствуются, другие видоизменяются, третьи изживаются. Говоря об уголовном праве и тенденциях его

развития в эпоху просвещения, хочется отметить, что в данной отрасли в части жестокости наказаний и способов их исполнения в России наблюдалась картина, аналогичная той, кото-

© Васильков К.А., Удовиченко В.С., 2020

рая складывалась в Западной Европе в тот же период. Санкции более 100 видов преступлений предусматривали смертную казнь в качестве наказания, при этом приводилась в исполнение она публично, а пытки при расследовании носили характер стандартной процедуры. Говорить про упорядоченное уголовное законодательство не приходилось, несмотря на Соборное уложение 1649 года и воинские уставы Петра первого. Наука уголовного права находилась в глубокой стагнации.

Исследуя процесс доказывания вины, сбора доказательств и их оценки, сейчас кажется диким применение любого насилия к подозреваемому (обвиняемому). Однако еще в XVII—XVIII веках в России «судебное доказывание осуществлялось в следующих процессуальных формах: “ропрос”, “ропрос с пристрастием” (от ропроса в застенке до подъема на дыбу до трех раз без битья кнутом), очная ставка, в том числе в застенке, пытка. Все они могли применяться к обвиняемому, “языку”, изветчику, свидетелям» [1, с. 113].

Опираясь на работы доктора юридических наук Г.В. Мальцева, отметим, что «пытки не всегда имели своей целью лишь получение показаний, если рассматривать период Античной Греции, то следует сказать, что существовавшая процедура ордалий осуществлялась для того, чтобы проверить правдивость уже полученных показаний, при этом отказавшись ее проходить, человек считался автоматически виновным. В сознании древних определение истины доверялось Богу, которому не требовалось признание вины подозреваемым, так как Он изначально знал, кто прав, через испытание Бог указывал виновного» [2].

Следует отметить, что поднятая в рамках данной статьи проблема уже неоднократно была в центре научных дискуссий, ученых будоражит и мотивирует на поиск большего количества аргументов за или против вопрос применения физического насилия в уголовном праве и процессе. Объективный и комплексный анализ подобных исследований позволяет говорить о том, что ученые, как правило, против применения пыток на современном этапе развития уголовного права и процесса. Основные аргументы данной позиции сводятся к нецелесообразности и негуманности применения физического насилия.

По мнению А.Э. Иваньиной, и мы с этим согласны, среди академического общества физическое насилие как средство получения доказательств предстает исключительно в негативном ключе [3, с. 299]. Отметим, что в современном

уголовном судопроизводстве, даже наводящие вопросы следователя во время допроса могут привести к необратимым для хода расследования уголовного дела последствиям. Что же тогда говорить про психологическое и тем более физическое насилие, которое на современном этапе развития правовой системы мыслится как категорически недопустимое.

В этой связи актуально, что Ч. Беккариа один из первых выступил против применения пыток. Он считал их нецелесообразными и несущими исключительно только вред и писал, что «в случае, если нет твердой уверенности в том, что преступление совершено, нельзя подвергать пытке невиновного, ибо, согласно закону, таковым считается человек, преступления которого не доказаны» [4, с. 45]. Несостоятельность и нецелесообразность применения пыток итальянский просветитель видел в самих основаниях их применения, например, даче признательных показаний, очищении от бесчестия, устранении противоречий в показаниях. Проанализируем их более подробно.

Во-первых, применение пыток (мы полностью с этим согласны) — это «верное средство оправдать физически крепких злоумышленников и осудить слабых невиновных» [4, с. 45]. Полагаем, что выдержал человек пытку или нет в большей степени зависит от него самого, от его физического и духовного состояния и никак не влияет на установление истины по делу. Все это в конечном счете повышало вероятность судебной ошибки, поскольку доводы подтверждения вины человека были, мягко говоря, необъективны.

Во-вторых, «нелепым основанием для пытки служит очищение от бесчестия, то есть человека принуждают подтверждать доказательства своей чистоты вывихом собственных костей» [4, с. 45]. Полагаем, что подобное основание действительно крайне абсурдно и является рудиментом уголовного права и процесса древности.

В-третьих, по мнению философа, пытка никак не поможет устранить противоречия в показаниях участников судопроизводства по той причине, что мысли о скором физическом воздействии будут лишь усугублять положение человека и деструктивно повлиять на его психическое состояние. Именно поэтому очевидно, что пытки никак не способствуют выяснению истины по делу, а, наоборот, только усиливают вероятные противоречия в показаниях.

В-четвертых, обращаясь к тактике допроса обвиняемого (к психологической ее стороне), а именно — к языку жестов и мимики, Ч. Беккариа полагал, что «всякое насильственное действие

спутывает и заставляет исчезнуть мельчайшие индивидуальные признаки предметов, с помощью которых иной раз правда отличается от лжи» [4, с. 45]. Полагаем, что данный аргумент также крайне основателен и разумен.

Рассуждая о пытках, можно привести еще колоссальное количество примеров и аргументов, поэтому можно сделать вполне обоснованный и закономерный вывод о том, что идея ничтожности применения пыток, описанная и аргументированная Ч. Беккариа, во многом стала определяющей при исследовательских изысканиях классической правовой школы уголовного права и в настоящее время отражена во многих нормативных правовых актах (от международного до национального уровня), что говорит о ее состоятельности и применимости в рамках современного правового поля и сознания людей. В этом ключе стоит отметить, что впервые пытки отменили в Швеции (1734 год), вероятно, не без влияния идей Ч. Беккариа.

В истории современности на законодательном уровне пытка была отменена в рамках Женевской конвенции «О защите гражданского населения во время войны», и в последующем эта концепция нашла отражение в «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» 1984 года.

Далее осветим вопрос относительно применения смертной казни. Отдельные аспекты целесообразности, необходимости, соразмерности и справедливости применения смертной казни уже долгое время вызывают дискуссии среди научной общественности и всего мирового сообщества. Еще в 1875 году А.Ф. Кистяковский в Элементарном учебнике общего уголовного права писал, что ни один вопрос «не пользуется такой известностью и таким свойством привлекать к себе дух исследования, как смертная казнь» [5, с. 331]. Полагаем, что связано это с расхождением законодательных и ментальных установок по поводу одобрения данного вида наказания в разных странах мира.

Отдельные ученые указывают, что «удовлетворение своего чувства справедливости по принципу талиона, подразумевающего воспроизведение вреда, причиненного преступлением (око за око), значительно устарело и осталось в пережитках первобытных народов из средневековья, но по крайней мере в большинстве развитых стран подобный подход к мере наказания изначально практиковал членовредительство» [6, с. 3]. Или что «смертная казнь есть жестокость, зверство, легализованная пытка, мучи-

тельство; посредством исполнения смертного приговора государство ставит себя на одну доску с преступником; смертная казнь есть месть, а месть — примитивное, низменное чувство» [7, с. 10—17].

В этой связи провозглашение принципа гуманности и осознание вероятности судебной ошибки (привлечения к ответственности невиновного) подтолкнули законодателей отдельных стран отказаться от такого вида наказания, как смертная казнь. Иначе поступили в России — наложили на него мораторий. В настоящее время смертная казнь применяется в 25 странах из которых наиболее часто данной мере наказания подвергаются в Китае, Ираке, Иране, Саудовское Аравии и США.

Вместе с тем, среди ученых существуют и те, кто пишет о ее практической значимости, например, профессор Е.П. Ищенко указывает, что «отменяя применение высшей меры наказания, государство тем самым сохраняет жизнь наиболее опасным преступникам. Но при таком подходе оно как бы становится сообщником самых оголтелых злодеев, поскольку тем самым не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь» [8, с. 16]. Данное мнение, принимая во внимание его ценностное обоснование, полагаем, также имеет право на существование.

Представляется, что разрешение данной дискуссии можно увидеть не в деталях применения смертной казни, а в концептуальных вопросах ее существования как таковой. В контексте поставленной темы исследования попытаемся ответить посредством анализа суждений Ч. Беккариа по этому вопросу, который писал, что «если я докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, я выиграю дело человечества» [4, с. 65]. Попробуем разобраться детальнее.

Философ также считал, что право наказывать существует только у государства. Отдельно обратим внимание на то, что это именно «право», которое предполагает возможность выбора конкретной меры наказания. Поэтому Ч. Беккариа пишет, что «смертная казнь не является правом и не может быть таковым, поскольку кто дает человеку право убивать другого человека? В этом случае, первый сам становится преступником» [4, с. 65].

Вместе с тем, анализируя смертную казнь как меру наказания с точки зрения воздействия на преступника (на его чувства), кажется очевидным, что сам нарушитель, будучи наказанным, вряд ли уже сможет исправиться, а, в свою очередь, сам факт суровости наказания не опреде-

ляет степень его влияния на человека. Поэтому Ч. Беккариа указывал, что «не суровость наказания, а продолжительность его морального воздействия — вот что производит наибольшее влияние на душу человека, потому что наши чувства легче и надолго воспринимают слабое, но повторяющееся впечатление, чем сильное, но быстро проходящее потрясение» [4, с. 65].

Однако может показаться разумным, что наблюдение того, как придают казни преступника, предупреждает совершение преступления другим рецидивистом, оказывая на него влияние, однако мы согласны с мнением, что «впечатление от смертной казни при всей силе его эмоционального воздействия быстро забывается. Это заложено в природе человека и касается даже самых важных предметов» [4, с. 66]. Хотя, несомненно, на отдельные категории граждан смертная казнь оказывает предупредительное и даже устрашающее влияние. Но в этом состоит как ее сила, так и ее слабость, отчасти потому, что государство таким образом подает пример жестокости.

Несмотря на все вышеуказанные недостатки смертной казни как меры наказания, Ч. Беккариа допускал возможность ее применения в двух исключительных случаях: когда «государство борется за то, чтобы вернуть или не потерять свою свободу, или, когда беспорядок заменяет законы в эпоху анархии» [4, с. 66].

Анализируя первый, отметим, что понимание и расшифровка сущности свободы отданы на откуп философии, а потому представляются неоднозначными. Например, в Большом толковом словаре русского языка свобода определяется как отсутствие зависимости, возможность располагать собою по собственному усмотрению; возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества [9, с. 1161].

По мнению доктора филологических наук и профессора П.Я. Черных, сущность свободы можно свести к «отсутствию политического и экономического гнета, возможности жить и мыслить без стеснений, без давления с чьей-либо стороны, по своей воле, а также ее можно рассматривать в качестве синонима независимости, воли» [10, с. 148].

Так, с точки зрения семантики сущность «свободы» заключается: в отсутствии бремени или возможности проявлять свою волю [11, с. 60]. Поэтому, если говорить о свободе государства, то, полагаем, речь идет о возможности действовать по своему усмотрению, при этом опираясь на потребности и запросы общества (при усло-

вии существования республиканской формы правления). В связи с этим видится только одна единственная возможность обычному человеку такую свободу нарушить — экстремизм. Не вдаваясь в анализ данного термина и признаков, его наполняющих (выведен он сравнительно недавно и ни в законе, ни в правовой доктрине не обозначены четкие границы преступлений такого рода), отметим лишь то, что, по нашему мнению, весьма негуманно применять к экстремистам смертную казнь, одновременно учитывая, что экстремисты вряд ли исправятся какими-либо иными способами. Все это подводит нас к частичному несогласию с мнением Ч. Беккариа по поводу применимости смертной казни в рассматриваемой ситуации.

Во втором случае обоснование применения смертной казни при беспорядках во время анархии лежит на поверхности. Здесь мыслитель оправдывал смертную казнь только во время действия чрезвычайного, военного или особого положения, при этом независимо от причин его введения. Анализируя мировую историю, в частности практику ведения войн, мы допускаем, что смертная казнь может быть допустима в данном (исключительном) случае.

Во всех вышеуказанных аспектах возможности применения смертной казни видится влияние на Ч. Беккариа идей И. Канта и Г. Гегеля (доктрины которых также закладывали фундамент классической школы уголовного права). Данные философы были приверженцами необходимости применения смертной казни по причине того, что для некоторых преступников невозможно найти соразмерной меры наказания тяжести совершенного преступления.

Вместе с тем, Ч. Беккариа видел одну единственную равнозначную замену смертной казни — ссылку на каторгу, где преступник будет заниматься общественно полезным делом и думать над тем, стоило ли ему совершать преступление. В частности, просветитель указывал, что «перед чьим мысленным взором пройдет длинная череда лет или даже вся жизнь, загубленная на каторге, на виду у сограждан, среди которых он жил свободным и полноправным, тот, кто представит себя узником тех законов, которые его защищали, тот с пользой для себя сравнит это с неясным исходом своих преступлений, с краткостью мига, в течение которого он мог бы воспользоваться их плодами. Продолжительность несчастий, которую являет пример людей, сделавшихся жертвой своих необдуманных поступков, произведет на него гораздо более сильное впечатление, чем зрелище смертной

казни, которое скорее ожесточит, чем исправит его» [4, с. 66]. В этом можно явно видеть идею превентивной направленности применения наказаний при одновременной реализации принципа гуманности.

Так, анализируя представление философа в вопросе применения смертной казни, отметим, что Ч. Беккариа не предлагал отказаться от смертной казни как таковой, одновременно указывая, что права наказывать в такой форме у государства юридически не возникает. Он пошел по пути совершенствования фундаментальной цели данного вида наказания, много времени посвятив объяснению того, почему оно в меньшей степени воздействует на преступника, чем каторга и когда его применение оправданно. В этом парадоксальном тезисе и отражается путь реформирования уголовного права. Именно поэтому нами делается вывод, что полностью отказаться от смертной казни нельзя и невозможно, поскольку всегда в обществе будут преступники, совершающие особо дерзкие и бесчеловечные преступления. Однако очевидно, что применять данную меру наказания стоит крайне разборчиво, соблюдая условия полной и безоговорочной доказанности вины преступника.

Мы видим, что применение пыток и смертной казни у Ч. Беккариа является формой бесчеловечного отношения государства к преступнику. В контексте развития науки уголовного права и самой отрасли фундаментальные идеи философа относительно рассматриваемых вопросов заложили кирпичики классической школы уголовного права, существующей и развивающейся в настоящее время.

Примечания

1. Батиев Л.В. Возбуждение процесса доказывания в Российском розыском судопроизводстве второй половины XVII — начала XVIII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 110—120.
2. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. 633 с.
3. Иваньшина А.Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 299—302.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с итал. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2000.
5. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 4: Россия XI—XIX вв. М.: Мысль, 1999.

6. Козлов С.И. Целесообразность применения такого вида наказания, как смертная казнь // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 4 (20). URL: <http://esj.pnzgu.ru>.

7. Кизилев А.Ю. Смертная казнь: апология. М.: ЮРИСТ, 2002.

8. Ищенко Е.П. Нужна ли России смертная казнь? // Всероссийский криминологический журнал. 2009. № 1. С. 16—24.

9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.

11. Шевцов С.Г. Категория усмотрения в философии и праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 59—64.

References

1. Batiev L.V. Initiation of the process of proof in the Russian investigative proceedings of the second half of the XVII — beginning of the XVIII centuries. *Humanitarian and legal research*, 2019, no. 3, pp. 110—120. (In Russ.)
2. Maltsev G.V. Revenge and retribution in the ancient law. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2012. 633 p. (In Russ.)
3. Ivanshina A.E. Torture as a means of stimulating the accused to give confessions: a retrospective analysis. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 299—302. (In Russ.)
4. Beccaria Ch. On crimes and punishments / transl. from Ital. Yu.M. Yumashev. Moscow: Mezhdunar. Relationships Publ., 2000. (In Russ.)
5. Anthology of world legal thought: in 5 vol. Vol. 4. Russia of the XI—XIX centuries. Moscow: Mysl' Publ., 1999. (In Russ.)
6. Kozlov S.I. Expediency of applying such a type of punishment as the death penalty. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*, 2017, vol. 5, no. 4 (20). URL: <http://esj.pnzgu.ru>. (In Russ.)
7. Kizilov A.Yu. The Death penalty: an apology. Moscow: YURIST Publ., 2002. (In Russ.)
8. Ishchenko E.P. Does Russia Need the death penalty? *All-Russian criminological journal*, 2009, no. 1, pp. 16—24. (In Russ.)
9. Big explanatory dictionary of the Russian language / chief ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. (In Russ.)
10. Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of modern Russian: in 2 vols. 3rd ed., erased. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1999. (In Russ.)
11. Shevtsov S.G. Category of discretion in philosophy and law. *Law and order in modern society*, 2011, no. 6, pp. 59—64. (In Russ.)